

На правах рукописи

Немцев Михаил Юрьевич

**СОДЕРЖАНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ
«ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА»
В ФИЛОСОФСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКЕ XX ВЕКА**

Специальность 09.00.03 – «история философии»

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Новосибирск 2008

Работа выполнена в секторе истории философии Института философии и права СО РАН.

Научный руководитель — доктор философских наук,
профессор Афонасин Евгений Васильевич

Официальные оппоненты:
Доктор философских наук, профессор
Донских Олег Альбертович,
кандидат философских наук, доцент
Бойко Владимир Анатольевич.

Ведущая организация — Кемеровская государственная
медицинская академия

Защита состоится в 14 часов 30 октября 2008 г. на заседании
диссертационного совета Д 003.057.01 в Институте философии и
права СО РАН по адресу 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8.

Автореферат разослан «___» сентября 2008 г.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке
Института философии и права СО РАН.

Учёный секретарь диссертационного совета -
кандидат философских наук А. В. Хлебалин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Тема данного исследования актуальна в силу двух основных причин. Во-первых, она представляет историко-философский интерес. До настоящего времени философская герменевтика - одно из влиятельных направлений европейской философии XX века - сравнительно слабо представлена в отечественной литературе. Однако до настоящего времени существует тенденция «сводить» современную философскую герменевтику к работам Ханса-Георга Гадамера, и её изучение – лишь к пересказу содержания его классической работы «Истина и метод». Фундаментальный вклад Гадамера в развитие философской герменевтики не может быть оспорен, и его работы являются основными источниками как для историка философии, так и для всех, кто стремится заниматься герменевтической философией; при этом важно, однако, представлять себе традицию философской герменевтики в её целостности и историческом развитии. В настоящее время в историко-философском сообществе ещё нельзя говорить о каких-либо устоявшихся оценках места философской герменевтики в системе направлений и школ западной философии XX в. и о мере важности полученных ею результатов для методологии историко-философских исследований. В этой ситуации, вполне актуальны реконструкция и исследование генезиса и системы понятийно-категориального аппарата философской герменевтики и сопоставление с аппаратом других философских учений.

Во-вторых, такое исследование также имеет значение для методологии историко-философских исследований. Любые такие исследования обязательно предполагают применение процедур и методов, описанных философской герменевтикой, в силу того, что все историки философии имеют дело с текстами. Очевидно, что проблематика обоснованной методологии интерпретации текста лежит также и в основе методологии историко-философских исследований. Вполне естественно ожидать, что именно в герменевтике, как философии понимания, проблемы оценки адекватности прочтения и интерпретации философского текста получили всестороннюю разработку. В то же время, обращение к «философскому тексту» как предмету герменевтического отношения позволяет выявить, насколько философская герменевтика может отразить и проблематизировать саму себя, своё отношение к другим философским традициям, и своё место в процессе развития философского знания.

При этом кажется довольно интересной возможность применения методологии философской герменевтики к самой философии, т.е. исследование возможности герменевтики философского текста (в том числе, конечно, и философско-герменевтического текста). В настоящее время философская герменевтика имеет неоспоримое методологическое значение: даже не разделяя её онтологических положений, другие гуманитарные дисциплины пользуются такими подробно разработанными в герменевтике концепциями, как «герменевтический круг», до-создание смысла текста, символизм текстовых выражений и другими. «Чтение» понимается как процесс до-страивания, дополнения содержания текста, которое «содержится» в нём лишь потенциально, читателем, который становится, таким образом, равноправным со-автором текста. Такой подход предполагает особые требования к методологии исследования понимания и интерпретации, и философская герменевтика кажется способной удовлетворить этим усложнившимся требованиям. В работах некоторых видных авторов, классиков философской герменевтики преобладающей остаётся именно методологическая ориентация (например, у Э. Бетти, Э. Корет). Те, кто не разделяет философское мировоззрение Хайдеггера, Гадамера или Рикёра, могут, тем не менее, вполне эффективно использовать их результаты в области методологии гуманитарного познания. И это вполне оправдано, ведь «текст» является универсальным предметом современных гуманитарных исследований. Однако до настоящего времени, проблемы чтения и понимания исследовали в гуманитарных дисциплинах почти исключительно с помощью анализа опыта чтения и понимания литературных, художественных текстов; показательно, что даже сами философы, говоря о понимании и чтении, не обращаются к собственному опыту чтения философских текстов, но анализируют чтение текстов исключительно художественных. Но философский текст также требует внимательного, рефлексивного чтения, может быть понят по-разному, и это «роднит» его с любым другим сложным текстом, в том числе и литературным. Герменевтика философского текста служит «распространению» методологии герменевтического подхода в истории философии. Поэтому вполне актуально новое обращение к философской герменевтике как учению о понимании текстов, которое потенциально предлагает собственную «философско-герменевтическую» методологию исследования истории именно философских текстов.

Наконец, необходимо отметить, что некоторые сделанные в данной работе выводы о структуре и внутренней динамике

профессиональных философских сообществ актуальны в свете ведущихся в современной философии споров о социальной роли и важности философии как профессиональной деятельности, а также позволяют наметить новые направления исследований в истории философии.

Степень изученности темы. Современный этап историко-философских исследований философской герменевтики в отечественной философии, как и в европейской философии в целом, начался в 1970-х гг. Это было закономерно обусловлено повсеместным ростом интереса к ней, вызванным выходом книги Ханса-Георга Гадамера «Истина и метод». До этого в отечественной философии были отдельные работы, в частности, Г. Г. Шпетом была подготовлена фундаментальная работа по истории герменевтики; к сожалению, до настоящего времени нет критической публикации и историко-философского исследования этого частично опубликованного труда¹. Но эта работа не получила известности среди историков философии своего времени. Одной из первых работ современного этапа исследований стала критическая статья Эвальда Ильенкова², повлиявшая на восприятие герменевтики как, прежде всего, «идеалистической» философии языка с сильными антисциентистскими и иррационалистическими тенденциями³. В 1985 г. исследователи могли еще отмечать, что «сам термин «понимание» отсутствует в наших философских словарях... Вопрос о природе понимания... почти не обсуждался до самого последнего времени в нашей философской литературе»⁴. Своеобразным «подведением итогов» этого первого этапа стал известный сборник «Герменевтика: история и современность» (М., Мысль, 1985). Процесс освоения философской герменевтики отечественным историко-философским сообществом продолжается. В первый период освоения «герменевтики» отечественной философией, она рассматривалась преимущественно как новая, альтернативная «сциентистской», гуманитарная

¹ Шпет Г.Г. (1989). Герменевтика и ее проблемы // Контекст -1989. М. С. 249 – 270.

² Ильенков Э.В. (1974). Гегель и герменевтика (Проблема отношения языка к мышлению в концепции Гегеля) // Вопросы философии, № 8 , с. 66-78.

³ Бессонов Б. Н. (1988). Герменевтика. История и современность // Гадамер Х.-Г. Истина и метод. (Вступит. ст.) М.: Прогресс. С. 5-36.

⁴ Гусев С. С., Тульчинский Г. Л. (1985). Проблема понимания в философии. М.: Политиздат. С. 6-7.

методология⁵. В современных исследованиях большее внимание уделяется роли и значению традиции, отношению герменевтики к другим философским традициям нашего времени, в том числе соотношению герменевтических и других подходов к решению проблем современной философии. Результаты, полученные в рамках герменевтического подхода, используются в работах авторов других направлений⁶. В настоящее время существуют различные герменевтики - филологическая, поэтическая, герменевтика религиозного, и другие. Однако не всегда авторы герменевтических произведений считают нужным определить свою позицию по отношению к философской герменевтике как методологии гуманитарного исследования. В то же время можно ещё заметить и то, что не всегда очевидна связь между исследованиями герменевтики как философского направления, продолжающей традиции европейского идеализма, и герменевтики, ориентированной на разработку методологии общественных («гуманитарных») наук. До сих пор не существует обобщающей истории современной герменевтики, которая учитывала бы соотношение и взаимовлияние различных «частных» герменевтик, их взаимопересечения и генетические взаимозависимости, сформировавшихся в течение 20 в.

Важнейший вклад в реконструкцию истории формирования философской герменевтики и, в частности, в понимание развития исследовательской программы Х.-Г. Гадамера внесли Б. Вахтерхайзер, Ж. Гронден, В. Димер, Р. Пальмер, Д. Риссер, Г. Фигаль, Э. Хирш, Г.-Р. Яусс, и другие. Э. Тизельтон⁷ подробно показал соотношение герменевтической концепции Гадамера с другими немецкими «философскими герменевтиками» его времени, особое внимание уделяя малоизученному до него взаимовлиянию Гадамера и протестантских теологов.

⁵ Кроме вышеупомянутых, можно привести в пример такие работы: Бабушкин В. У. (1985). Герменевтическая философия науки: критический анализ. М.: Наука; Погосян В. А (1985). Философская герменевтика: анализ истины и метода // Вопросы Философии. № 4. С. 111 -119.

⁶ Кукулин И. (2003). Вдумчивое непонимание: возвращение герменевтики (вместо предисловия редактора) // Новое Литературное Обозрение, № 61; Михайлов Н. Н. (2006). Теория художественного текста. М.: «Академия».

⁷ Thiselton, Anthony C. (1992). *New Horizons in Hermeneutics: the Theory and practice of Transforming Biblical Reading*. Grand Rapids: The Paternoster Press; Thiselton, Anthony C. (1980). *The Two Horizons: New Testament Hermeneutics and Philosophical Description*. Grand Rapids: The Paternoster Press.

Среди отечественных историков герменевтики необходимо отметить работы П. П. Гайденко, Х. С. Гафарова, В. Г. Кузнецова, А. А. Михайлова, и особенно В. С. Малахова, чья критика ценностных оснований учения Гадамера (в том числе, его критические оценки места «традиции» и «языка» в социальной онтологии Гадамера) повлияла на подход, развитый в данном исследовании⁸.

Проблемами понимания, в том числе с тщательным анализом подходов и решений, предложенных философской герменевтикой, среди отечественных философов занимались В. У. Бабушкин, Б. Н. Бессонов, С. М. Брайович, Г. И. Богин, Т. Е. Васильева, П. П. Гайденко, В. П. Горан, В. С. Горский, С. С. Гусев, О. А. Донских, С. Н. Земляной, Э. В. Ильенков, Г. Рузавин, М. А. Розов, Л. Г. Ионин, А. П. Лосев, С. Крымский, М. Х. Кулэ, В. Г. Кузнецов, Л. Я. Куркина, В. С. Малахов, М. К. Мамардашвили, А. А. Михайлов, И. С. Нарский, А. П. Огурцов, Ю. С. Степанов, Г. Тульчинский, Т. Шитцова, Г. Шпет, А. Шуман, Г. П. Щедровицкий, Г. Цинцадзе, А. А. Яковлев, и другие. Следует отметить, что в течение долгого времени проблемы понимания текстов изучались литературоведами, социологами культуры и философами без активного массового перекрестного использования результатов. В частности, историки философии зачастую не знают о результатах, полученных социологами и историками культуры. Эта обособленность гуманитарных дисциплин, чьим объектом является одно и то же явление, не преодолена до сих пор.

Специально проблемами чтения, в т. ч. его культурологическим анализом занимались В. Ф. Асмус, Г. И. Богин, А. А. Брудный, Л. Д. Гудков, Т. Дридзе, Б. Дубин, Ю. М. Лотман, Н. А. Рубакин, Ю. С. Степанов, и другие. Их выводы, часто находящиеся вне поля зрения «обычной» философской герменевтики, могут и должны быть соотнесены с этим подходом, и найти применение в методологии историко-философских исследований.

⁸ Малахов В. (1999). Герменевтика и традиция. Традиция, в которой мы не живем // Логос №1. Электронная публикация: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_01/1999_1_01.htm (просмотрено 09.08.07); он же. (1991). Философская герменевтика Ганса Георга Гадамера // Г. Г. Гадамер Актуальность прекрасного. М.: Искусство. С. 324 – 336; он же. (1989а) Понятие традиции в философской герменевтике Г. Г. Гадамера // Познавательные традиции: философско-методологический анализ. М.. С. 124 – 144.; он же (1989б). [рецензия на книгу: Гадамер Х.- Г. (1988). Истина и метод. М.: Прогресс. 1988] // Вопросы Философии, №7. С. 166-169; он же (1986). Проблема традиции в философской герменевтике Х.-Г. Гадамера. Автореф. дисс.... канд. филос. н.

Объектом исследования является традиция философской герменевтики как одного из направлений европейской философии 20 века.

Предметом исследования является понятие «текста» в философской герменевтике Х.-Г. Гадамера и его последователей, рассматриваемое особенно в аспекте особенностей его содержания (философский текст) и важных для историка философии особенностей конкретных условий историко-культурного бытования такого текста.

Цель исследования состоит в выявлении и историко-философской оценке подхода философской герменевтики Х.-Г. Гадамера и его последователей к типологическим особенностям, содержанию и социально-культурной функции философского текста, что позволит выявить возможность применения положений философской герменевтики к пониманию интерпретации профессионального философского текста. Такая оценка также должна выявить вклад самого Гадамера в непосредственное изучение процесса интерпретации и объяснения «текста».

Для достижения этой цели необходимо решить следующие **задачи исследования**:

1) на основе анализа основных работ Х.-Г. Гадамера и П. Рикёра *реконструировать* подход к объяснению особенностей содержания и предполагаемых методических принципов и стратегий чтения текста, развитый в философской герменевтике XX в.;

2) выявить эпистемологическое и методологическое *своеобразие* философско-герменевтического подхода, т. е. его *отличие от других сформировавшихся в этот период подходов* к объяснению чтения и понимания текста;

3) выявить характерный для традиции философской герменевтики, обусловленный её онтологическими и социально-философскими предпосылками, *подход к историко-культурному бытованию философского текста в конкретных философских сообществах*, изучаемых историками философии;

4) определить *статус философского сообщества в герменевтической «философии текста»*, т.е. выявить типичное для философской герменевтики XX в. отношение к функциональному предназначению философского текста в рамках профессиональной философской коммуникации как фактору, переопределяющему интерпретацию и социально-культурный статус этого текста.

Методы исследования и принципы построения работы. Данная работа написана в манере, принятой в рамках герменевтической традиции. Основные понятия и концепции философской герменевтики исследуются с опорой на работы Ханса-Георга Гадамера, чьи идеи и теоретические положения рассматриваются через сравнительное сопоставление с взглядами авторитетного представителя иного подхода, развитого в рамках философской герменевтики XX в. – Поля Рикёра. В целом, в работе используется *проблемный подход*, при котором на основе некоторого философского учения воссоздаётся стоящая за ним проблема⁹. Этот подход восходит к методологической концепции Р. Дж. Коллингвуда. В применении к истории формирования подхода философской герменевтики Х.-Г. Гадамера к «пониманию понимания» текста, необходимо выявить, какие теоретические трудности и сделали возможным появление этой философской концепции. Какие именно аспекты сложного комплекса феноменов, сопровождающих понимание и интерпретацию, оказались в фокусе внимания Гадамера и других теоретиков этого направления? Чтобы концептуализировать этот «эмпирический» базис теоретической концепции философской герменевтики, в данном исследовании сначала предложена реконструкция условий формирования того опыта чтения текстов, на базисе которого и формировалась герменевтика. Для этого в первом разделе вводится базовая для данной работы категория – «*герменевтическая ситуация*». Эта категория позволяет предложить систематический анализ взаимосвязанных понятий философской герменевтики XX в., используемых ею для объяснения чтения и понимания текста, а затем она используется в качестве онтологической категории исторического объяснения конкретных случаев чтения и интерпретации философских текстов прошлого и настоящего. Затем каждая из выявленных проблем объяснения того, как происходит чтение и понимание философского текста, получает специальное рассмотрение в специальных разделах основного текста работы. Таким образом, каждая проблема подвергается специальной концептуализации, при которой выявляются и оцениваются возможные варианты решения поставленных проблем, имеющиеся в текстах рассматриваемого автора, которые получают чёткую позитивную

⁹ Горан В. П. (2007). Теоретические и методологические проблемы истории западной философии. Новосибирск: Издательство СО РАН. С. 156-159; Вольф М. Н., Берестов И. В. (2007). Проблемный подход к исследованию древнегреческой философии // СХОЛН. Философское антиковедение и классическая традиция. Т. 1, вып. 2. С. 203 – 246.

формулировку с помощью используемого в работе концептуального аппарата.

При работе с текстами изучаемых авторов используется сравнительный метод. Идеи Гадамера сравниваются с тематически близкими рассуждениями Поля Рикёра, а также сопоставляется с работами других авторов, занимавшихся проблемами понимания, с целью, прежде всего, выявить именно особенности взглядов Гадамера. В некоторых случаях сходство концепций разных авторов устанавливается методом аналогии. Аналитические понятия заимствованы из работ самого Гадамера, но при этом они получают несколько иное, более «методологизированное» значение («герменевтическое отношение», «герменевтическая ситуация» и др.), а также из феноменологической традиции («установка сознания», «профессиональная философия»). Говоря о философской герменевтике, я придерживаюсь, прежде всего, её «гадамеровской» версии.

Необходимо отметить, что в работе используются переводы текстов Гадамера и Рикёра на русский и английский язык. В тех случаях, когда важно сохранить особенности авторского словоупотребления, я обращаюсь к оригинальной немецкой терминологии (особенно в разделе 2.2.). На мой взгляд, тема и задачи данного исследования вполне позволяют пользоваться переводами (хотя в историко-философских исследованиях принято использование оригинального текста), поскольку интересующие меня аспекты содержания этих текстов вполне сохраняются и при переводе.

Внутренняя структура работы организована по принципу последовательной конкретизации нескольких основных понятий, вводимых в начале в самом абстрактном виде. Это такие понятия, как «профессиональный философ», «философский текст», «чтение философского текста», «традиция», «философская практика», «профессиональное сообщество». В начале работы формулируется основная историко-философская проблема, решению которой и посвящена диссертация. В каждом разделе, после предварительного изложения проблемы, критически рассматривается её решение в работах основных представителей традиции – Х.-Г. Гадамера и (в меньшем объеме) П. Рикёра. Для их анализа используются работы других представителей феноменолого-герменевтического движения – Гуссерля, Хайдеггера, Апеля. При проведении исследования, оказалось необходимым обращение к социологическим концепциям развития философского знания (прежде всего, это «социология философии» Рэндалла Коллинза), а также работы отечественных историков

индийской философии, разработавших методологию анализа её институциональной структуры (Вс. Семенцов, В. Шохин). Эти концепции выявляют механику воздействия на особенности выбираемых философами стратегий чтения и интерпретации философских текстов конкретных социально-культурных и политических условий их практической профессиональной деятельности - ведь философы понимают и интерпретируют тексты других философов, основываясь на своих собственных профессиональных задачах и целях. В работе обосновывается, что скрытые социально-философские основания философской герменевтики Гадамера, и особенно его «прагматическая» интерпретация Апелем, дают возможность для такого синтетического понимания. Последний раздел работы представляет собой попытку «применения» герменевтики философского текста к пониманию герменевтических аспектов особенностей исследовательской деятельности историков философии (в т.ч. и собственной ситуации автора).

В результате исследования сделаны следующие **выводы, выносимые на защиту**:

1) Показано, что в «классической» философской герменевтике Х.-Г. Гадамера не было разработано учение о философском тексте. Для разработки герменевтической концепции философского текста необходимо объяснить социальные условия и нормативные основания ситуаций чтения такого текста; установлено, что в философской герменевтике само понятие «текста» получило ограниченное значение, поскольку фундаментальная роль отводилась категории «язык». Поэтому в философской герменевтике Гадамера отсутствует анализ особенностей *чтения* как особой познавательной деятельности.

2) Показано, что в рамках герменевтического подхода, «текст» определяется как предмет чтения и интерпретации, т.е. предмет особой предметной деятельности. Этот подход противопоставляется «семиотическому» подходу, который определяет «текст», исходя, прежде всего, из его знаковой природы. Эти два подхода, не исключаящие один другой, по-видимому, являлись двумя основными возможностями определения того, что такое «текст», в европейской философии 20 в. Установлено, что в рамках «герменевтического подхода», сущностные особенности философского текста определяются, прежде всего, тем, для какого *прочтения* он предназначен, т.е. его коммуникативной функцией. Такой текст должен функционировать в рамках профессионального философского сообщества, где он используется для формирования и передачи

профессиональных философских установок сознания, способов мышления. Показана уместность применения феноменологического понятия «установка сознания» для экспликации герменевтической категории «истина». Чтобы выявить эту «истину», герменевтический подход к чтению философского текста предполагает выявление в тексте двух уровней содержания. Они обозначены, соответственно, как уровни «истинного» и «предметного» содержания. Чтобы применить это различие, названное в работе принципом *«двойного значения»*, необходимо использование специальных стратегий чтения. *Основными типами таких стратегий являются обычное, «не специализированное» чтение, и «специализированное» профессиональное философское чтение*, которое основано на применении принципа «двойного значения». Только вторая стратегия направлена на освоение и практическое применение специфической установки сознания, передаваемой этим текстом. Сделан вывод, что целью профессионального философского чтения философского текста является понимание *«истины»* данного текста – транслируемой с его помощью установки сознания – и её применение в профессиональной философской деятельности данного читателя.

3) Выявлены особенности герменевтического подхода к историко-культурному бытованию философского текста в конкретных философских сообществах. В работе обосновывается вывод, что в историко-философском исследовании возникает «двойная герменевтическая ситуация». Историк философии, сам находящийся в герменевтической ситуации, должен восстанавливать герменевтическую ситуацию, в которой исследуемый философ читал свои философские тексты – источники. И на того, и на другого нормативно воздействует необходимость *применения* «истинностного» содержания данного текста в их философской практике. Эта практика осуществляется в рамках профессионального сообщества, воплощающего собой некоторую философскую традицию. Для определения особенностей герменевтической ситуации любого философа необходимо определить его позицию в конкретной философской традиции, потому что именно в силу своей принадлежности к традициям философский текст может выполнять функцию передачи специфических установок сознания, что и делает возможным его специализированное профессиональное философское или историко-философское чтение.

4) Установлено, что социально-философские основания философской герменевтики требуют обращения к анализу исторической динамики и процессов образования знания в рамках

профессиональных философских сообществ. Они включают в себя людей, вовлечённых в профессиональную философскую практику и заинтересованных в развитии и трансляции специальных профессиональных установок сознания. Такая трансляция и составляет содержание истории конкретного философского текста в рамках данного профессионального сообщества. Такое сообщество и создает социокультурный контекст, в котором специальное профессиональное философское чтение становится необходимо и возможно. Следовательно, история таких сообществ образует существенный компонент истории философских текстов. Благодаря применению этой категории к истории самой философской герменевтики Х.-Г. Гадамера сделан вывод, что она появилась как *рефлексия опыта пребывания в таком сообществе*. Фактически, Х.-Г. Гадамер универсализировал персональный «ученический» опыт, полученный в герменевтических ситуациях, возникших при его вхождении (социализации) в академическое сообщество. Этот вывод объясняет и генезис его философской программы, и её скрытые (возможно, не осознанные самим автором) нормативные основания, а также указывает на её внутренние ограничения.

Новизна исследования: 1) Впервые предметом специального анализа стали *функция и значение понятия «текст»* в работах Х.-Г. Гадамера. Показаны возможности применения гадамеровского учения об интерпретации к профессиональному философскому тексту, интерпретируемому историком философии. В качестве инструментов такого исследования, введены и обоснованы такие понятия, как «профессиональный философ», «философский текст», «профессиональная установка сознания». Понятия «философская традиция», «профессиональное философское сообщество» получили новую интерпретацию.

2) Впервые проведён критический анализ онтологических и социологических *ограничений* философской герменевтики Гадамера – показано, в какой мере и как именно его философская программа была обусловлена рефлексией его «ученического» опыта вхождения в институт европейской гуманитарной Академии. В работах самого Гадамера герменевтический опыт получает универсальное значение, однако *фактически* остаётся рефлексией такого своеобразного институционально обусловленного опыта.

3) Впервые в российской историко-философской литературе показана целесообразность *объединения* герменевтической теории традиции (Х.-Г. Гадамер), герменевтической теории языка (К.-О. Апель) и современной исторической социологии знания (Р. Коллинз,

Д. Зильберман, Вс. Семенцов) для объяснения генезиса и роли философской традиции и профессионального философского сообщества. Это позволяет по-новому представить динамику развития философского знания, выявить роль и статус герменевтики философского текста в развитии философских сообществ. В настоящее время институциональный подход к истории философии не развит в отечественной истории философии¹⁰, и данное исследование даёт возможность лучше понять роль институциональных факторов (традиций, школ, сообществ) в развитии философского знания.

4) На основе проведённого в работе анализа понимания философского текста сделан вывод, что особенности профессиональной деятельности историка философии состоят, прежде всего, в том, что он, в отличие от других профессиональных философов, находится в «двойной герменевтической ситуации», что существенно влияет на его понимание текста. Кроме собственного «герменевтического проекта», он также должен реконструировать герменевтическую ситуацию и стратегии чтения, применявшиеся изучаемым им автором. Анализ «двойной герменевтической ситуации» позволяет по-новому объяснить явное различие подходов к интерпретации и истолкования текста философов - историков философии и философов, не занимающихся специальными историческими исследованиями. Эта проблема актуальна для современной методологии историко-философских исследований.

Апробация работы. Основные положения диссертационной работы апробированы в докладах и выступлениях на регулярных научных семинарах сектора истории философии Института Философии и Права СО РАН в 2004-2007 гг., на семинарах философского факультета Центрально-Европейского Университета (г. Будапешт, Венгрия) зимой-весной 2007 г., на научных конференциях «Бытие и язык» в Новосибирском Институте Экономики, Психологии и Права (Новосибирск, ноябрь 2003 г.); «Человек, творчество, индивидуальность» в Алтайском Государственном Аграрном Университете (Барнаул, апрель 2006 г.), и на городской научной конференции в Институте «Новый Сибирский Университет» (Новосибирск, март 2005 г.);

¹⁰ Наиболее важны следующие работы: Шичалин Ю. А. (2000). История античного платонизма в институциональной перспективе. М.: Греко-Латинский Кабинет Ю. Шичалина; Шохин В. К. (2004). Школы индийской философии. Период формирования (IV в. до н.э.— II в. н.э.). М.: Восточная литература.

на региональных научных конференциях молодых учёных в Институте Философии и Права СО РАН в 2004, 2005 и 2007 гг.;

в выступлениях на круглых столах «герменевтика философского текста» (14 августа 2007 г.) и «чтение философского текста» (4 февраля 2008 г.) международной научной школы «Teaching classics/преподавая античность» в Новосибирском Государственном Университете;

при преподавании философии в Сибирской Академии Финансов и Банковского Дела, и социологии культуры в Новосибирском Государственном Техническом Университете в 2007-2008 гг.

Текст работы состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность, указаны объект, предмет, цель и задачи исследования, применяемые методы, а также приведены основные выводы диссертации и указана её новизна.

В **первой главе « Объяснение особенностей чтения и понимания философского текста в философской герменевтике XX века»** проводится реконструкция основных категорий философской герменевтики Ханса-Георга Гадамера, и его подход сопоставляется с подходом Поля Рикёра. Цель первого раздела главы – **«Система понятий и принципов философской герменевтики»** - предложить систематическую реконструкцию принципов герменевтического подхода к объяснению понимания и интерпретации. Это необходимо, чтобы сосредоточиться на анализе того, как философская герменевтика объясняет процесс чтения философского текста, т. е., в некотором смысле, объясняет исторический процесс трансляции и трансформации философского знания.

В начале раздела уточняется само понятие «герменевтика». Обращение к истории употребления этого термина позволяет выявить два возможных направления развития учения об интерпретации: как исследование возможностей истинности, ложности или осмысленности высказываний - и как исследование полноты смысла текста, прояснение его «тёмных» (спорных) мест и обращение к сознанию автора этого текста через посредничество текста. В диссертации понятие герменевтики, используется втором значении, причём Гадамер

полагал, что его «универсальная» философская герменевтика включила в себя герменевтики, развитые в рамках отдельных дисциплин, как свои частные положения. Поэтому в данном разделе сначала рассматривается философско-герменевтическое представление о чтении текста вообще, и затем оно конкретизируется на примере чтения именно философского текста.

Исходным положением моего подхода является представление об эмпирическом происхождении концепций философской герменевтики: они были созданы Х.-Г. Гадамером, его последователями и коллегами как осмысление собственного опыта чтения и понимания. Этот опыт сформировался в ситуации понимания сложного текста, и теперь может быть нормативно применим для организации эффективного понимания. Для обозначения таких ситуаций, используется понятие «герменевтическая ситуация» - оно означает *конкретные условия реализации герменевтического отношения, конкретный случай применения герменевтического метода*, аналогично таким понятиям, как «познавательная ситуация», «историческая ситуация». Под «герменевтической ситуацией» *понимается такая конкретная ситуация «понимания», когда возникает затруднение (например, при работе с текстом или в акте коммуникации). Чтобы преодолеть это затруднение, субъект герменевтического процесса должен осознать себя в качестве такового, т.е., не удовлетворившись «естественным» минимальным пониманием, он должен отрефлексировать свою ситуацию, понять природу своего затруднения и, в идеальном случае, реорганизовать свою деятельность согласно герменевтическим нормам.* Поэтому Гадамер писал, что «когда понимание становится научной задачей...», следует «осознать... что эта ситуация еще только должна быть разработана в качестве ситуации герменевтической»¹¹. Понятия и принципы философской герменевтики разработаны для понимания герменевтической ситуации. Соответственно, чтобы реконструировать происхождение и внутреннюю логику философской герменевтики Гадамера, необходимо восстановить обратиться к анализу герменевтической ситуации, которая была для него исходной. Для этого требуется предварительно рассмотреть сам герменевтический подход к ситуации чтения и понимания текста. Герменевтическая ситуация возникает, когда «очевидного» значения текста недостаточно – т. е. когда возникло явное непонимание. Ещё Шлейермахер указывал, что непонимание логически и практически «предшествует» пониманию. Гадамер указывает, что это наблюдение

¹¹ Гадамер Х.-Г. (1988). Истина и метод. М., Прогресс. С. 15.

позволило Шпйнермахеру впервые поставить вопрос об универсальной герменевтике. Философская герменевтика предлагает следующие принципы анализа герменевтического отношения, возникающего в герменевтической ситуации, и его компоненты:

(1) *Предпонимание, или «минимальное понимание»*: «нулевая», простая базисная гипотеза о возможности понимания данного предмета, формирующую и обосновывающую интенцию субъекта герменевтического отношения. Это предпонимание формируется благодаря предварительному знанию читателя о существовании и возможном содержании данного текста, на основе его общей языковой и культурной компетентности.

(2) *Герменевтический круг*: зависимость конкретного акта понимания от потенциально бесконечной совокупности контекстов, имеющих неопределённую временную продолжительность. «Минимальное понимание» входит в структуру герменевтического круга, это как бы его «приходящая из прошлого» сторона.

(3) *Герменевтический проект*: ожидание некоторого желаемого результата от прочтения данного текста. Также входит в структуру «герменевтического круга». В холистической концепции Гадамера, герменевтический проект охарактеризован как «предвосхищение совершенства». Этот проект сориентирован на истину текста.

(4) *Ориентация на достижение истины*. Истина - существенное содержание текста, которое «открывается» в нём при чтении, к нему можно «приобщаться» через чтение текста; при этом, истина должна получить своё последнее подтверждение во внетекстовой, практической деятельности читателя. Содержательно, «истину» – можно сформулировать лишь в контексте конкретной герменевтической ситуации, в которой субъект обращён уже не к «бытию мира», как у Хайдеггера, а к «миру культуры», воплощённом в конкретном тексте. Гадамер существенно изменяет предложенное Хайдеггером представление об истине. Но практический характер истины Гадамер обосновывает, именно вслед за Хайдеггером обращаясь к аристотелевскому понятию «практической мудрости» φρόνησις (phronesis)¹².

(5) *Принцип «двойного значения»* - основной принцип организации герменевтической интерпретации; он предписывает аналитически разделить содержание текста на два уровня. Первый – это «прямое» содержание, понятное из простого прочтения текста, и не требующее

¹² Risser, James (1997). *Hermeneutics and the Voice of the Other. Re-reading Gadamer's Philosophical Hermeneutics*. N.Y.: S.U.N.Y. Press.

специальных герменевтических усилий. Это очевидное содержание текста, для понимания которого требуется только способность прочитать текст и соотнести его с контекстом. Назовём его «предметным» содержанием. Этот принцип более чётко объясняет Поль Рикёр, который называет его «схемой символа»: «какое-либо выражение, обладающее меняющимся значением, означая одну вещь, в то же время означает и *другую* вещь, не переставая при этом означать первую»¹³. Это второе (символическое) содержание текста, и есть герменевтическая *истина* текста. Этот уровень можно назвать уровнем «истинностного» содержания. Второй уровень – это неочевидное, скрытое и действительное содержание, которое может быть получено с помощью специально организованной интерпретативной деятельности. Выход на этот второй, скрытый уровень значения является в герменевтике действительной целью (герменевтической) работы с текстом.

Сочетание принципа «двойного значения» и принципа ориентации в понимании текста на достижение практически релевантной (применяемой) «истины» текста является *минимально необходимыми и достаточными критериями* отличия именно герменевтического подхода к пониманию текстов, позволяющими отличить его от других возможных подходов.

В конце раздела предлагаются необходимые в герменевтическом исследовании определения основных категорий герменевтики – «понимание» и «интерпретация», основанные на идеях Поля Рикёра. «Понимание» – это реконструкция смысла и значения некоторого знака. «*Понимание*» и «*способность пользоваться знакам*» – это синонимы. Возможно, следовало бы говорить о понимании как способности реконструировать любой элемент семиотического треугольника «знак-смысл-значение» по имеющемуся его элементу. Но поскольку в коммуникации предъявляются только знаки, в действительности при чтении текстов *понимание всегда направлено от знака – к его смыслу и* (возможному или действительному) *значению*¹⁴.

¹³ Рикёр П. (1995а) Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. И. Сергеевой. М.: Медиум. С. 97 – курсив Рикёра.

¹⁴ Это определение, по сути, принадлежит Полю Рикёру: «под пониманием мы будем иметь в виду искусство постижения значения знаков, передаваемых одним сознанием и воспринимаемых другими сознаниями через их внешнее выражение... Цель понимания – совершить переход от этого выражения к тому, что является основной интенцией знака, и выйти вовне через выражение» (Рикёр П. (1995б). Герменевтика. Этика. Политика: московские лекции и интервью. М.: АCADEMIA. С. 3 - 4).

Этот знак *выражает* эффекты ментальной активности другого. Понимание сопровождается сложными психоэмоциональными процессами, может быть ценностно и эмоционально нагружено.

Под *интерпретацией в работе* подразумевается *трансформирующее обращение со знаковыми системами (текстами), которое является «внешним», «объективно наблюдаемым» проявлением процесса понимания.* Выразить, сообщить своё понимание знака можно только с помощью других знаков, и отношение второго знака к первому и называется «интерпретацией». Это более «внешний», наблюдаемый извне процесс, который поэтому в большой мере доступен для рационального анализа и формализации. Интерпретация требуется, когда какое-либо «внешнее» выражение содержания чужого сознания – текст – не может выполнить свою функцию непосредственно, и должно быть преобразовано в другую, более понятную или «адекватную» форму – в другой текст. Исходный текст с помощью интерпретативных процедур трансформируется в текст-2 (а далее возможны текст-3, текст-4 и т.д.). Понимание – *цель* этой активности. «Момент» акта интерпретации может не осознаваться и быть фактически идентичен бессознательному употреблению языка. Итак, *«интерпретацию» предлагается считать операционально-техническим аспектом понимания.* Она в большей мере доступна рациональному анализу, однако не имеет самостоятельного гносеологического значения. *Категория «понимание» имеет процессуальные аспекты* («процесс понимания» как реконструкции значения знаков), *но целью его является знание содержания чужого сознания.* Конечно, «интерпретация» и «понимание» неразрывно связаны и в обыденном языке часто используются как синонимы.

В следующем разделе **«герменевтический смысл понятия «профессиональная философия»** рассматривается субъект герменевтической ситуации, а именно – предполагаемый читатель профессионального философского текста. Само возникновение герменевтической ситуации обусловлено тем, что субъект *вынужден* искать правильного понимания текста, но он делает это не в силу каких-то внутренних особенностей самого текста. *Необходимость* его читать и интерпретировать обусловлена исключительно практической ситуацией самого субъекта, в рамках которой он должен обращаться к этому тексту, а это обращение и производит герменевтическую ситуацию. Исторически, именно практическая востребованность позволила появиться герменевтике как таковой. Понятие «практика» указывает на связь ментального процесса понимания с материальными условиями, контекстуализирует герменевтическую ситуацию и придаёт

её пространственно-временную определённую. Поэтому необходимо учитывать *практическую цель* субъекта герменевтического процесса, и внетекстовые факторы, организующие его чтение. Оба эти аспекта проявляются благодаря анализу *нормативных аспектов герменевтической ситуации*. Гадамер в своей философии осмыслил ситуацию реализации образовательной практики. Он описывал именно ситуацию человека, находящегося в процессе обучения – входящего в традицию, осваивающего предание и преобразующего в соответствии с ними своё сознание, развивая «действенно-историческое» сознание, становясь субъектом исторического процесса. При этом он принимает, как само собой разумеющееся ценности познания, саморазвития через познание, и разумности (рациональности) результатов такого саморазвития. Культурная традиция выступает в этом случае как всеобъемлющая среда самопознания развивающейся личности. В силу универсальности такого опыта самопознания через познание другого (т.е. традиции), универсальна и сама герменевтика.

Таким образом, основываясь на характеристиках герменевтической ситуации, воспроизводимой в рамках конкретной социально-исторической практики, можно сделать вывод, что *философская герменевтика ориентируется именно на тот тип субъекта, который воспроизводится в рамках этой практики*. Такая герменевтика «поддерживает» интеллектуально-образовательную традицию. И тот, кто активно участвует в этой общественно-исторической практике, естественным образом следует предписываемым ею нормам организации (само)понимания и «на себе» воспроизводит такую субъективность. Показано, что *философская герменевтика Гадамера приписывает такие атрибуты, как историчность, конечность, обращённость к Другому, динамическое самосовершенствование и комплексность (сочетание рационального и иррационального) субъекту любой герменевтической ситуации*.

В чём же состоят особенности чтения философского текста профессиональным философом? Рассмотрев некоторые концепции «профессиональной философии», я обращаюсь к поздним работам Эдмунда Гуссерля, чья концепция профессиональной философии согласуется с представлением о социальной функции философии и особенностях философского мышления, развиваемым в следующей главе. Согласно Гуссерлю, профессиональные философы есть люди, которые (1) *способны принимать теоретическую установку сознания* (позволяющую различить предмет восприятия и мышления и сам акт восприятия или мышления), которая сама по себе является

искусственным, «ненормальным» методом организации сознания и в этом противопоставляется неразличающей «естественной установке»; (2) *стремятся к «абсолютной истине»*, т.е. ставят перед собой чисто теоретические, «умозрительные» проблемы и вопросы, и поэтому их деятельность сравнительно автономна; (3) *действуют в составе профессионального сообщества* – в «невидимом колледже», объединяющем носителей теоретической установки и их учеников. Их деятельность социально обусловлена, однако они следуют трансцендентным идеалам абсолютной истинности. С точки зрения Гуссерля, таких людей даже можно считать *особым антропологическим типом*.

Итак, персональная идентичность «профессионального философа» фундирована антропологическими и поведенческими нормами интеллектуального философского сообщества. Его познавательные интересы поэтому определяются нормами и ценностями этого сообщества, а профессиональное становление происходит согласно интериоризованным нормам и идеалам. Если в интеллектуальном сообществе функционируют тексты, определяемые как «философские», или подлежащие прочтению философом ради развития его профессиональной практики, этот человек будет читать их именно так, «как должен их читать философ», и с целью, предопределяемой его профессиональной идентичностью. Следовательно, профессиональный философ читает философский текст, стремясь к достижению непредметной, практически значимой истины данного текста. Его личные образовательные и экзистенциальные интересы и стремления как читателя при этом отступают на второй план. Субъективность «профессионального философа» будет опираться на особый тип опыта, востребованного в профессиональной философской практике, и только в ней. Как дополнительные аспекты профессионального чтения, рассматриваются диалогический подход (Х.-Г. Гадамер) и концепция эстетического «удовольствия от текста» (Р. Барт).

Во **второй главе «философский текст и философская традиция»** большее внимание уделено историко-социальным аспектам существования философского текста. Цель первого раздела **«Особенности содержания «философского текста» в рамках философско-герменевтического подхода»** - с позиций философской герменевтики раскрыть своеобразие философского текста и его практическую функцию. В разделе предложен анализ и вариант решения проблемы возможности выделения «философских текстов» в

особый тип текстов. Для этого в разделе рассматривается герменевтическое понятие «текста», затем оно конкретизируется в анализе «философского текста».

В философской герменевтике, по-видимому, текст как таковой не становится предметом специального анализа в силу её стремления рассматривать «понимание» как отношение сознания к реальности вообще. Текст есть один из объектов герменевтического отношения, в то время как философская герменевтика изучает само это отношение, и «текст» - это как бы просто его функциональный член. Когда Гадамер говорит о «герменевтическом подходе» к тексту и к чтению текста, он в то же время стремится сосредоточиться на отношении субъекта – и его языка. В этом более фундаментальном для его герменевтики отношении, «текст» является лишь временной, промежуточной фиксацией языка, выполняющей свою миссию в акте чтения\произнесения вслух. *В классической философской герменевтике не было необходимости в развёрнутом анализе текста и текстуальности; в онтологии этой герменевтики, проблематика текста поглощена проблематикой онтологического статуса «языка.* Следовательно, самостоятельного теоретического значения анализ чтения для Гадамера не имеет.

Гадамер предлагает герменевтическую типологию текстов согласно оценке их герменевтической значимости - отношения к жизненным перспективам читателя: может ли работа над этим текстом как-либо повлиять на будущее читателя, или же текст недостаточно значителен для этого, и не выходит за рамки некоторой конкретной практической ситуации? Текст должен позволять читателю осуществить какое-то изменение самого себя, и в этом – его герменевтическая ценность. Наиболее герменевтически важным типом текста для Гадамера является лирическое стихотворение, но не специальный философский текст.

У Поля Рикёра, проблема определения значения понятия «текст» вырисовывается еще более чётко. С одной стороны, Рикёр ставит перед собой иные, чем Гадамер, философские исследовательские цели. Он называет свою программу «герменевтическая феноменология», её цель – предложить методологию обращения с опытом и памятью. Само исследование опыта, рефлексивное относительно своих методов и онтологических положений, требует обращения к герменевтической методологии, прежде всего – к теории интерпретации. Поэтому он обращается к герменевтическим проблемам интерпретации. Итак, обращение Рикёра к герменевтике закономерно обусловлено самим

предметом исследования, но его программа отличается от гадамеровской.

Рикёр последовательно «текстуализует» социальное действие. Он пишет, что само социальное действие представлено нам, исследователям, в виде текста. В этом методологическом, хотя и не онтологическом смысле (что и отличает Рикёра от «постмодернистов»), к человеческой деятельности применимы общие методы познания текста. В то же время, сам «текст», в силу общности этого понятия, не получает развёрнутого определения. Это любой письменно зафиксированный дискурс. Дэвид Пеллауэр показывает, что рефлексия различных форм «текстуальности», оказалась основным принципом методологии Рикёра¹⁵. Понятие текста поэтому сильно расширяется, становясь своеобразной «онтологемой»: в случаях, когда Рикёр-исследователь сталкивается с фактом или следом интерпретации, эта категория позволяет ему задействовать технический аппарат герменевтики. В принципе, согласно Пеллауэру, основания для столь широкого применения концепта «текст» имеются в самой герменевтической традиции; так, в романтической традиции, к которой он относит Шлейермахера и Дильтея, говорилось об объекте герменевтики как «написанном» (*inscribed*) выражении жизни; и Рикёр, даже дистанцируясь от этой традиции, продолжает придерживаться её подхода.

Итак, в работах двух крупнейших представителей современной герменевтики «текст» определяется как предмет реальности, являющийся семиотической конструкцией и поэтому могущий быть прочитанным. Не существенно, был ли этот предмет изначально создан именно как текст, или стал таким в результате специальной *текстуализации*. К области применения положений герменевтики теоретически можно отнести любые тексты (хотя реальный герменевт весьма избирателен в своих интерпретациях). Для интерпретации и объяснения текст должен быть прочитан; поэтому для герменевтического подхода *основным определением текста является его качество быть прочитываемым*. Это деятельностное определение текста, поскольку он становится, прежде всего, материалом для определённой группы деятельностей: интерпретации, объяснения и др. *Текст «существует, чтобы быть прочитанным», т.е. чтобы послужить материалом для развёртывания этих деятельностей*.

¹⁵ Pellauer, David (1979). The Significance of the Text in Paul Ricoeur's Hermeneutical Theory – in: Charles E. Reagan (ed.) *Studies in the Philosophy of Paul Ricoeur*. Athens: Ohio University Press. P. 98 - 114.

Поэтому в герменевтике внимание преимущественно уделяется активности по отношению к тексту, но нецелесообразно теоретизировать сам её предмет. Гадамер настойчиво указывал, что «чтение», интерпретация текста происходит, во-первых, в контексте жизни языка, для которого текст является лишь случайной реализацией (жизнь языка происходит как бы вокруг текста, растворяя его в себе), во-вторых, во внелингвистическом практическом контексте, где важна «суть дела» – а текст важен лишь постольку, поскольку он применяется в этом «деле».

Таким образом, можно выявить два подхода к определению предметного содержания категории «текст» в гуманитарных науках: «герменевтический» и «семиотический». Первый определяет «текст» через категорию «деятельность» (чтение), второй – через категорию «знак». Можно резюмировать, что в *герменевтике*, *текст* (1) является *преимущественным* предметом герменевтического отношения, и как таковой (2) является *целостностью* (т.е. анализ отдельных его фрагментов – высказываний непродуктивен согласно принципу «герменевтического круга»), (3) *фиксирует и отчуждает* от автора и конкретного контекста своего порождения культурные смыслы и значения, и поэтому обладает *автономностью*, (4) допускает *неопределённое множество* интерпретаций, (5) *дооформляется* в процессе интерпретации себя как целого (*актуально существует в актах чтения*), (6) обладает *идеальностью*, т.е. его референтом как целого является какой-то внетекстовый смысл, ради приобщения к которому текст и должен быть подвергнут прочтению. В то же время, (7) онтологически, он вторичен по отношению к ситуации первичного произнесения, и лишь репрезентирует её; однако именно благодаря своей автономности текст может получить универсальное значение.

Если рассматривать философский текст как, прежде всего, «материал для чтения», тогда надо полагать, что своё значение он получает контекстуально. Контекстом значения философского текста может быть только общественно-историческая философская практика. Чтение *профессионального философского текста* полагается наиболее «чистым» случаем герменевтической ситуации философского текста. Таким текстом следует считать *текст, написанный философом для философов* (интенциональный, или «иллокутивный»), в терминологии Дж. Сёрля, признак), и *практически используемый профессиональными философами* (прагматический признак). Первый признак предполагает, что он *может* иметь особенности, способствующие профессиональной коммуникации; второй – что он фактически способствует ей, функционирует в рамках сообщества. Согласно описанным выше

герменевтическим допущениям, «специальное» (герменевтически адекватное) профессиональное чтение такого текста открывает в нём философскую. И наоборот, текст, который может быть прочитан так, чтобы он «открывал» философски значимую, практически действенную истину, можно признать философским. *Такой текст должен быть понят одновременно в единстве его внутренних поэтических особенностей и методов профессионального прочтения, применяемых к нему и основанных на принципе двойного значения. Профессионального философа–герменевта интересует именно «истина», которая может быть «прочитана» в философском тексте, а не его конкретное «тематическое» содержание, которое может быть посвящено каким-то специальным проблемам философской практики, либо вообще не иметь прямого отношения к актуальной философии.* Анализ применения принципа двойного значения позволяет придти к следующему заключению: действительным, «истинностным» содержанием философского текста является транслируемая с его помощью «профессионально-философская» установка сознания. Это понятие взято из поздней философии Эдмунда Гуссерль, который определял «установку» следующим образом: «под установкой... понимается привычно устойчивый стиль волевой жизни с заданностью устремлений, интересов, конечных целей и усилий творчества, общий стиль которого тем самым тоже предопределён... Человечество в своей исторической ситуации всегда живёт в какой-либо установке»¹⁶. Простым наблюдением за работой сознания может быть выявлена «обычная», первичная «естественная установка», с которой (или, точнее, в которой) происходит повседневная жизнь. *Теоретические установки* принципиально отличаются от неё своим искусственным, конструктивным характером. По своему значению понятие «установка сознания» близка к «чистому схематизму рассудка», охарактеризованному Кантом.

Концепция «установки сознания» позволяет объяснить, с одной стороны, наблюдаемое тематическое и (даже) стилевое «сходство» представителей одного сообщества (причём его не всегда можно объяснить, например, общностью их социального происхождения). В историко-философском исследовании, экспликация установок сознания позволяет объяснить феномен воспроизводства философских

¹⁶ Гуссерль Э. (2000). Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философия. Философия как строгая наука. Минск: Харвест. (Классическая философская мысль). С. 640.

позиций. Эта идея установки (схематизма) сознания является эпистемологическим допущением, которое, конечно, не может быть с необходимой полнотой рассмотрено в рамках данной работы. Роль установки сознания в герменевтике философского текста состоит в том, что *она и является тем специфическим «истинностным» содержанием текста*, для выражения и трансляции которого текст был написан. Наличием этого содержания «философский текст» отличается от текстов других типов, и может благодаря ему выполнять свою особую социально-культурную функцию.

Теперь можно говорить о двух возможных «знаниях философского текста» как продуктах его понимания. Первое – *не специально-философского чтения*. Его результат – *знание предметного содержания текста и владение его логикой*, т.е. внутренней организующей структурой философского рассуждения о некотором предметном содержании. Такое знание текста можно также назвать *интерпретативным* знанием. Второй род «знания» текста является продуктом герменевтического проекта, направленного на установку сознания как «истину» философского текста. Герменевтический анализ может указать на сознательное или неосознанное применение читателем вышеупомянутых герменевтических принципов. Целью этого чтения является не «знание» содержания этого текста, а *овладение* тем способом мыслить мир и философскую практику, которые применял при его написании автор текста, и которые выражены в тексте. *Философ осваивает такую установку сознания и как бы начинает воспринимать предметы своей практики согласно тексту и мыслит в соответствии с этим текстом*. Такое чтение трансформативно воздействует на профессиональную практическую деятельность данного субъекта. Объективно это выражается в формировании «философского мировоззрения», когда мышление данного философа может быть объективно подведено (исследователем – историком философии) под какую-то теоретико-философскую категорию. Итак, одним из существенных оснований философской герменевтики необходимо считать различие между чтением, когда текст выступает источником информации (знания), и чтением, при котором «истина» текста осваивается в качестве нормы организации практической деятельности субъекта.

Отличие философского текста от художественного и научного типов текстов можно объяснить следующим образом. *Художественный (литературный) текст* сообщает знание о вымышленном (воображаемом) мире. Как целое, такой текст не может быть истинным или ложным, поскольку нельзя подтвердить

истинность или ложность содержащихся в нём отдельных высказываний, даже имеющих форму пропозициональных высказываний о реальности. Такой текст не предполагает специального (профессионального) чтения, и обращён к любому читателю, имеющему минимальное первичное понимание - минимальную языковую компетентность. *Научный текст* сообщает знания о реальности, и содержащиеся в нём высказывания могут быть истинными или ложными относительно этой реальности; такой текст предполагает специальное чтение в рамках научной, инженерной или подобных практик, и обращён к исследователю – учёному, либо инженеру-конструктору. *Философский текст* не сообщает знания о реальности, хотя может содержать утверждения (позаимствованные, чаще всего, из текстов других типов), которым можно приписать «истинность» или «ложность» (в рамках данной концептуальной схемы). Он также имеет второй уровень содержания, воспринимаемый при специальном чтении в рамках профессиональной философской практики. Для этого «истинностного» содержания Гадамер вводит, по сути, «прагматистский» критерий истинности: «истинность» выявляется по своим последствиям, т.е. изменению деятельности философа благодаря прочтению этого текста. «*Второе*» (истинностное) значение не может быть «ложным», он может быть только недействительным, т.е. не иметь практического эффекта. Это значение текста является источником *норм* философской деятельности, что было показано Гадамером, в частности, при анализе значения категории «классического».

Философская позиция данного философа-читателя *формируется в рамках философской традиции, к которой он принадлежит*. Поэтому «традиция» является онтологической категорией, позволяющей адекватно анализировать генезис и практическую функцию (обосновывающую герменевтическую специфику) некоторого философского текста. Экспликация этой категории посвящён второй раздел «**онтологическое и нормативно-аксиологическое значение категории «философская традиция»**».

Развивая идеи Хайдеггера, который активно использовал понятие «герменевтика» для обозначения своего философского проекта в тот период, когда Гадамер проходил у него «философское ученичество», последний применяет феноменологический язык для описания герменевтического отношения. Но основной предметной категорией для него стало уже не являющее себя бытие – «мир» (Welt), но «опыт мира» (Welterfahrung), который передаётся символическими средствами (текстами). В своей философии, Гадамер рефлексировал

уже не универсальный опыт «экзистирующего» существа, его опыт гораздо более *социален*; и для описания данного опыта приемлемой и необходимой категорией оказалась насыщенная социальными коннотациями категория «традиция». Можно выявить следующие *особенности герменевтического опыта Гадамера состоят в следующем*: это (1) опыт инкультурации, (2) формирующийся в специальном институте гуманистической (т.е. «традиционалистской» по своей идеологии) европейской Академии, (3) во многом обусловленный отношениями «учитель-ученик», с нормативным авторитетом первого и осознанным подчинением ему второго.

Философская герменевтика Гадамера принимает существование традиции как онтологический факт; какого-либо развернутого обоснования её существования, кроме феноменологии «предсуждений» (*Vorurteile*), у него нет. Когда субъект «гадамеровского» герменевтического отношения оказывается в герменевтической ситуации, осваивая некоторую совокупность культурных значений и норм, эта совокупность предстаёт перед ним как структурированный процесс протяженной во времени трансляции самоидентичных (точнее, репрезентируемых как самоидентичные) ценностей. Будучи учеником, такой субъект находится в *принудительной* ситуации, т. е. на него действует принуждающая к определённом выбору предметов герменевтического отношения и норм организации этого отношения сила «авторитета»; в авторитетности «авторитета» ученик сомневаться не может: она безусловна, и при этом самоочевидна. Иначе он не мог бы занять и *объективировать* на себе позицию «ученика». В концептуализации категории «традиции» в философской герменевтике Гадамера проявились все основные свойства этой специфической «экзистенциальной» ситуации. В философской герменевтике раскрыты следующие признаки «традиции» как культурного феномена:

1) Целостность. Вхождение в традицию сопровождается своеобразным герменевтическим проектом; а поскольку «традиция» для носителя традиционалистского сознания, несомненно, обладает полнотой достоинств, гадамеровское понятие «предвосхищение совершенства» в наибольшей мере уместно для характеристики этого проекта.

2) Временная протяжённость. Принадлежность к традиции сама по себе историзирует субъекта, встраивая его в линии преемственности. *«Войти в традицию» - значит, осознать себя как продолжателя некоторой линии преемственности, т. е. стать «осознанно» историчным.*

3) Принудительная сила авторитета. «Мы в отношении переданного традицией текста принципиально допускаем такую возможность – ему, тексту, все известно лучше... в презумпции совершенства заключено не только то, что текст полностью выражает всё подразумеваемое им, но и то, что всё сказанное есть полная истина»¹⁷.

4) Предпосылкой действительного существования традиции является её *признание*. Власть авторитета действительна постольку, поскольку признана своим объектом. Без такого признания, обсуждать действительное значение традиции можно только из внешней позиции наблюдателя – исследователя, т.е. *гипотетически*. Но тогда «традиционалистская» герменевтика не может иметь нормативного значения и вообще не востребована.

5) Традиция имеет *материальную инфраструктуру*. Это *произведения* – прежде всего тексты, но также и другие произведения, социальные *институты* (в частности, интеллектуальные сети) и определённые *люди* – носители традиции, на чьих телах она буквально «осела». Традиция – не только ментальный факт, «традиция зрима» и объективирована в поведении и повседневной активности живых людей. Поэтому, она доступна объективистскому историческому и социологическому исследованию. В предельно общем виде, традиция предстаёт перед исследователем, прежде всего, как *совокупность текстов и организованных ими практик*.

6) Традиция обладает *внутренней структурой*. «Центром» традиции духовной жизни является текст – письменный либо устный; движение индивида в традиции *ориентировано* на этот текст¹⁸. Другие тексты получают своё значение и свой статус в рамках культуры данной традиции именно по отношению к этому тексту и за счёт него; они онтологически «вторичны», этот же текст – первичен. Он является источником норм. Функции «сакрального текста» культурной традиции у Гадамера присвоены «классическому тексту». Эта структура традиции ориентирует движение социализации в ней: «неофит» движется от периферийных текстов и практик к центральным, осваивая всё более значимые установки сознания.

¹⁷ Гадамер Г. Г. (1991). О круге понимания / пер. А. В. Михайлова // Гадамер Г. Г. Актуальность прекрасного / под ред. В. С. Малахова. М.: Искусство. С. 79.

¹⁸ Семенцов Вс. (1988). Проблема трансляции традиционной культуры на примере судьбы Бхагаватгиты // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М.: Наука. С. 5-32.

7) *Способом существования традиции является её непрерывное (само)воспроизводство в нормах групповой практической деятельности.* Традиция постоянно *самовоспроизводится*, являясь источником норм деятельности (легитимируемых её авторитетом). Поэтому в наиболее общем виде она представляет собой универсальный нормативный принцип, обосновывающий и связывающий между собой нормы организации деятельности поведения людей. *Традиция - это своеобразная «норма норм».*

8) *Взаимодействие с традицией как целостностью* (она обладает «герменевтической идентичностью»), организовано диалогически. *Обращение к традиции - это «вопросание».* В герменевтике широко используется метафора разговора: *обращаться к традиции – значит «говорить» с ней.* Для онтологии традиции в философской герменевтике принципиально важно это (неогумбольдтианское) положение о том, что традиция может быть описана как продолжающийся *разговор*; войти в традицию означает начать слушать «обобщённого другого», и самому в этот разговор постепенно включиться, отвечая ему (изменением своей практики).

9) Внутренняя «пространственная» структура традиции раскрывается Гадамером как *диалектика принадлежности, (герменевтического) отстояния (отчуждения) и причастности.* Он при этом описывает традицию с позиции самого её субъекта, и речь идёт о подвижной системе отношений, образующих систему координат, в которых *самоопределяется* субъект традиции. Само отношение причастности к традиции двойственно. С одной стороны, субъект всегда *уже* принадлежит традиции в силу объективного, биографического факта социализации в определённой культуре. «Как существа конечные, мы принадлежим определенным традициям, независимо от того, разделяем ли мы эти традиции или нет, сознаем ли свое вхождение в традицию... — это совершенно не затрагивает власть традиции над нами»¹⁹. Отсюда универсальность герменевтического круга; кроме того, можно видеть, что её неявной предпосылкой является *антропологический универсализм философской герменевтики,*

¹⁹ Гадамер Г. Г. (1991). Актуальность прекрасного / пер. М. В. Стафеевой // Гадамер Г. Г. Там же. С. 318. Примечательно, что философская герменевтика совершенно игнорирует опыт индивидов, успешно «переместившихся» из одной культурной традиции в другую, перешедшим на другой язык и т.д. Наиболее известным примером являются писатели, такие как Бродский, Конрад, Набоков, но так же и философы – де Ман, Элиаде, и другие. Сам факт возможности такого перемещения важен для понимания внутренних ограничений герменевтической социальной онтологии и антропологии.

полагающей, сходство содержания самосознание всех людей. С другой стороны, становящийся субъект традиции *отдалён* (и даже отчуждён) от неё во времени и в пространстве: поскольку «традиция уже есть», входящий в неё субъект осознаёт ориентацию на «центр» традиции (я полагаю, что это движение к «центру» Гадамер и называет «герменевтическим свершением»). Это осознание *отчуждения* концептуализируется как «герменевтическая дистанция».

10) Содержанием культурной трансляции в традиции является её *истина*, которую можно назвать «преданием» данной традиции. В философской герменевтике Гадамера, «предание» обладает теми же свойствами, что и «истины». Предание – основное эпистемологическое содержание традиции. Оно даже может метонимически замещать традицию в герменевтическом дискурсе. Предание автономно по отношению к сознанию герменевтического субъекта (т.е. для него оно существует «объективно»). Предание «захватывает» субъекта герменевтического отношения; беспристрастное, отстранённое отношение к преданию невозможно. Через «предание», субъект оказывается *причастен* традиции, и таким образом, с одной стороны, получает опыт «подлинного бытия», а с другой стороны, через него «свершается суть дела». Осознание (рефлексия, концептуализация) этой причастности – это *основание традиционалистского мировоззрения*, развиваемого философской герменевтикой. Предание как специфическая установка сознания «существует» в традиции, и лишь *проявляется* через язык. Язык *опосредует* предание.

«Материалом» актуального существования традиции является сообщество людей со сходным культурным опытом («опытом мира»), и потому со сходным мировоззрением, и действующим согласно переданным этой традицией нормам. Теперь надо проанализировать практическую философскую позицию, формирующуюся в рамках профессионального сообщества. Вне профессионального сообщества актуальное существование философской традиции невозможно. Учением о таком сообществе является «трансцендентальная прагматика» Карла-Отто Апеля.

К.-О. Апель стремится выяснить, каким образом «очевидность сознания, которая всегда моя, благодаря взаимопониманию посредством языка преобразуется в априорную значимость высказываний для нас»²⁰. Он анализирует, как происходит

²⁰ Апель, К.-О. (2001). Трансформация философии / пер. В. Куренного, Б. Скуратова. М.: Логос. С. 194.

определение «истины» правилами некоторой языковой игры некоторого сообщества исследователей. Такое сообщество пользуется набором *«идеальных» теоретических объектов*, создаваемых посредством данных установок сознания; устанавливаются правила определения «истинности» или «ложности» высказываний относительно этих объектов. Исследователи (профессиональные интеллектуалы) «обмениваются пониманиями» этих идеальных объектов. Они последовательно создают «друг для друга» диалогические герменевтические ситуации. И *предметы исследования, так и «истинные» знания о них существуют интерсубъективно и только в этом сообществе*. В то же время, для того, кто входит в него и социализируется в сообществе, они существуют объективно: он их *«застаёт»* (феноменологически так же, как, входя в традицию, он застаёт её) и должен их освоить, чтобы социализироваться в этом сообществе. Таким образом, *само существование идеальных предметов профессионального философского исследования возможно только в рамках профессионального сообщества, и поддерживается правилами его языковых игр; а они сами поддерживаются установками сознания исследователей – членов этого сообщества*. Правомерно будет назвать эти предметы *«идеальными объектами практической реальности профессионального философа»*. Они *хабитуализируются* профессиональными философами. В рамках профессионального сообщества *транслируются именно нормы обращения с такими идеальными объектами, и обсуждение полученных результатов*.

Работа Апеля позволяет понять, как возможно существование философской традиции: она «натурализуется» в сообществе исследователей, объединённых общей языковой игрой и общими установками сознания, позволяющими им оперировать с интерсубъективными идеальными объектами. Это сообщество структурировано длинными линиями преемственности, которые можно отождествить с философскими традициями. Это означает, что *«сообщество исследователей-интерпретаторов» является основной и первичной институционализацией философской традиции, её «материальной инфраструктурой»*. Конкретная история таких сообществ проанализирована, в частности, Рэндаллом Коллинзом²¹. Как показал в своём анализе функции классического текста в традиционной культуре В. Семенцов, трансляция традиции состоит в

²¹ Коллинз Р. (2002). Социология философии. Глобальная теория интеллектуального изменения / пер. Н. Розова и Ю. Вертгейм. Новосибирск: Сибирский Хронограф.

воспроизводстве субъективности (учителя – в ученике); текст выполняет функцию материала такой трансляции.

Основной вывод главы состоит в том, что *философские тексты выполняют функцию посредников в социальной трансляции этих установок сознания в рамках профессиональных традиций*. Именно чтобы они эффективно выполняли такую функцию (т.е. чтобы «быть прочитанными действительно в качестве философских»), и требуется специальная философская стратегия чтения.

В третьем разделе **Герменевтические аспекты методологии историко-философских исследований** проводится герменевтический анализа особенностей чтения философских текстов историком философии. На примере одной профессиональной дискуссии²² рассматриваются два встречающиеся в практике историков философии и часто противопоставляемые методологические подходы к чтению текстов философского наследия: «философский», и «историко-филологический». В первом подходе, классический текст используется современным философом для развития его собственной мысли, как позиция или мнение, релевантные в актуальных философских дискуссиях. Второй подход рассматривает текст автора прошлого как источник по истории идей, доступный для объективного и отстранённого исследования с учётом положений современных гуманитарных дисциплин. Цель первого подхода – использование текста автора прошлого в современных дискуссиях. Его «слабое место» – «субъективизм» интерпретаций, делающий их уязвимыми для филологической, социологической и т.д. критики. Цель второго подхода – максимально точная реконструкция идей изучаемого автора (авторов) в их генезисе, внутренней взаимосвязи и отношении к идеям других авторов; проблема этого подхода состоит в том, что «нефилософичности» предлагаемых интерпретаций зачастую могут быть философски тривиальными, и даже вовсе «не философскими». Такие исследования выходят за рамки философии. Первый подход, однако, «не научен». Современный историк философии должен самоопределяться по отношению к этим двум возможным подходам.

Это различие подходов можно сопоставить с сформулированной молодым Ницше «дилеммой филолога»: «будет ли прошлое понято из настоящего, или же настоящее – понято из прошлого»? Либо (в первом случае) классическая филология будет «объективной», «бесстрастной»,

²² Круглый стол «Чтение философского текста» / ведущая С. В. Месяц // СХОАН. Философское антиковедение и классическая традиция. 2008. Т. 1, вып. 2. С. 276 – 298.

но в то же время упрощающей и опошляющей «внеморальных» греков прошлого, либо – «субъективной», антинаучной, но учащей героической жизни и даже воспитывающей новый тип человека²³. Если «вынести за скобки» специфически ницшеанскую проблему производства новых моральных идеалов, «дилемма филолога» может быть сформулирована так: *может ли классический текст быть источником норм организации практической деятельности современного читателя?*

Эта проблема проявляется, когда необходимо понять, как современный философ может читать древний текст. Читать его «субъективно» - производить сомнительные, критически уязвимые «авторские интерпретации», в то время, как «историко-филологическое» критическое чтение приводит к философски тривиальным выводам. (Надо отметить, что в этом противопоставлении действительность историко-философских исследований, сознательно упрощена для заострения проблемы философского самоопределения). Практическая неразделимость этих двух подходов и определяет уникальность историко-философского чтения.

Несомненно, любые обращения к исходной ситуации написания текста (порождения философского смысла) уже детерминированы как историко-культурным контекстом, так и практической ситуацией самого читающего этот текст современного философа. Философский текст можно читать как литературный текст; но такое чтение вовсе не требует восстановления исходной практической ситуации и понимания исходного вопроса, к чему призывает Гадамер, поскольку *это неоправданно усложнило бы* чтение. В то же время, такой текст можно читать в силу того, что он имеет значение в рамках философской традиции. Такое чтение даёт как бы даёт тексту состояться в полноте своего «двойственного» значения, и помещает субъекта чтения в более сложную герменевтическую ситуацию. В работе она охарактеризована как «двойная герменевтическая ситуация».

Становление субъектом профессиональной философской практики равносильно становлению субъектом философской традиции, институционализированной в профессиональном сообществе. В философской герменевтике, как было сказано выше, обращение к значимым (с герменевтической точки зрения) текстам является исходным пунктом всего процесса понимания, и как таковое не

²³ Ницше Ф. (1994). Мы филологи // Ницше Ф. Философия в трагическую эпоху. М.: «REFL-book». С. 267 – 325.

проблематизируется: оно полагается *естественной* деятельностью для профессионального философа, прошедшего социализацию таким образом, каким её описывал Гадамер и сформировавшего у себя соответствующие «герменевтические» установки сознания. В принудительном порядке, такие «профессиональные» стратегии чтения предписываются «ученикам» внутри специальных образовательных институтов. (Примером эффективности и самоочевидности такого нормативного предписывающего давления как раз и является философская герменевтика Х.-Г. Гадамера, в которой он универсализировал полученный в рамках такого «академического» социального института опыт). Тот, кто понимает философский текст в полноте его значения, осваивает передаваемые им установки сознания, и тем самым становится потенциальным субъектом данной традиции. Конечно, это не означает «автоматической» принадлежности к сообществу данной традиции.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать выводы о герменевтическом своеобразии работы историка философии. Он должен восстановить герменевтическую ситуацию этого чтения изучаемым им философом значимых для того текстов. Для этого необходимо восстановить используемую данным философом стратегию чтения данного философского текста, которая во многом определяется отношениями в профессиональном сообществе и тем, к какой традиции принадлежит данный философ (равно как и историка философии!) В то же время, историк философии должен осознавать практический контекст его собственного обращения к исследованию герменевтической ситуации изучаемых философов (что «удваивает» исходную герменевтическую ситуацию), и поэтому в своих интерпретациях исходить из вероятного практически востребованного «применения» истины текстов, которыми он работает. Таким образом, его историко-философское исследование способствует развитию всей профессиональной философской практики его сообщества.

В **Заключении** кратко излагается ход диссертационного исследования, поводятся его итоги.

Основные публикации по теме диссертации:

1. Три аргумента против «лингвоцентризма» в современной философии // Бытие и язык: сб. ст. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 2004. С. 65-71.

2. Понятие «философский текст» в контексте историко-философских исследований // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований в XXI веке. Материалы региональной научной конференции. Новосибирск, 2005. С. 117-119.

3. Императивные тексты и «диалогический метод» философской герменевтики // Летняя Философская Школа «Голубое Озеро-2005». Материалы. Новосибирск: Изд. НГУ, 2005. С. 72- 76.

4. «Модальная методология» Давида Зильбермана и её герменевтическое значение // Труды Всероссийского семинара молодых учёных имени П. В. Копнина. (Серия 2): Труды ТГУ, Т. 268. Серия Философская. Томск: изд. ТГУ, 2006. С. 111-114.

5. Некоторые герменевтические принципы понимания текста // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований. Материалы региональной научной конференции молодых ученых Сибири. Новосибирск: НГУ, 2006. С. 171-174.

6. О структуре философских традиций // Летняя философская школа «Голубое озеро – 2006». Материалы. Новосибирск, изд. НГУ, 2006. С. 154-156.

7. Минимальная герменевтика // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований. Материалы V региональной научной конференции молодых ученых Сибири. Новосибирск: изд. НГУ, 2007. С. 138-142.

8. Типология философских текстов в контексте профессиональной философской коммуникации // Социальные коммуникации и эволюция обществ: сб. ст. Новосибирск: НГТУ, 2008. С. 119 -126.

9. Понятие традиции в социальной философии и социологии культуры (учебно-методич. пособие). Новосибирск: НГУ, 2008 (в печати). (В соавт. с В. П. Таратутой)

В изданиях, входящих в обязательный список Высшей

Аттестационной Комиссии, опубликованы следующие работы:

10. Проблема нормативных оснований философской герменевтики Г.-Г. Гадамера и философия языка К.-О. Апеля // Гуманитарные науки в Сибири 2008, №1. С. 35-38.

11. О понятии «текст» в философской герменевтике (Г.-Г. Гадамер и П. Рикёр) // Вестник ТГУ. Серия «Философия». № 309 (апрель 2008). С. 36-39.